
ОТ КАКОГО НАСЛЕДИЯ МЫ ОТКАЗЫВАЕМСЯ В РЕЗУЛЬТАТЕ ПОТЕРИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

И. И. Кальной

Статья посвящена вопросу, решение которого развенчивает миф о тождестве России и Советского Союза через социально-философский анализ становления и развития России, через ее диалектику объективных условий и субъективного фактора. Упразднение этого мифа может быть первым шагом на пути установления добрососедских отношений между Европой, Азией и Россией.

Ключевые слова: историческая память, наследие, миф, субъективный фактор, объективные условия, проблема, культура, идеология, славянофильство, реформа, глобализация, глобальные проблемы, добрососедские отношения, постсоветское пространство.

Реалии постсоветского пространства актуализируют вопрос приоритета Слова или Дела. И эта актуальность возросла на порядок в условиях перестройки 80-х гг. XX в. Перестройка вызвала возбуждение обыденного сознания. Она несла в себе надежду изменить сложившуюся ситуацию, отредактировать путь к светлому будущему. Но уже первые шаги перестройки с ориентиром на процесс, а не на взвешенный и мудрый результат вызвали разочарование, породив чувство тревоги и безысходности.

Старая шкала ценностных ориентиров рухнула, перестала работать. Капитулировала вертикаль власти, в агонии пребывала горизонталь коммуникации. С полок магазинов исчезли продукты и товары первой необходимости. Страну захлестнула волна безнадежности. Подобно «Титанику», Советский Союз погружался в бездну небытия, порождая растерянность и истерию на всех уровнях системы координат функционирования общества. Вертикаль власти всех уровней предлагала варианты выхода из тупика, игнорируя хрестоматийную истину общечеловеческого опыта о том, что вначале было Слово, а потом уже разумное Дело.

Квазизащитники Советского Союза предлагали за 500 дней или за два месяца решить проблему выживаемости. Одни рекомендовали использовать опыт Польши, другие апеллировали к опыту Франции или Германии, третьи советовали адаптировать модель латиноамериканского или китайского развития. Но никто не принял во внимание необходимость решать проблему через поиск адекватного ответа историческому вызову, основу которого составляет идея решения проблемы, а не техники, технологии, средства. Осуществлять поиск этой идеи нужно не через обращение к чужому опыту в целях его заимствования, а через анализ своей истории.

Не прошло и 20 лет, как вместо «Титаника» на волнах мирового океана остались только спасательные плоты и шлюпки: СНГ (Союз Независимых Государств) постсоветского пространства. Каждое «средство массового спасения» стремилось удалиться на дистанцию от воронки, куда ушел «Титаник», чтобы не повторить его судьбу. Поскольку на статус правопреемника Советского Союза не без основания претендовала Россия, все бывшие составляющие Союза начали осуществлять политику с ориентиром на достижение независимости и суверенитета, используя противостояние России (см. опыт Грузии, Украины, Латвии, Литвы, Эстонии).

Каждое «средство массового спасения» демонстрировало свой способ бытия в мире, свою форму проявления этого бытия, свою форму осуществления. Форма осуществления заявила о себе через триаду: прошлого, настоящего и будущего времени. Каждый интервал имеет свою специфику. Прошлое обеспечивает историческую память, настоящее работает на регламент жизнедеятельности общества. В своем единстве настоящее, опираясь на историческую память, редактирует проект будущего. Если в качестве доминанты выступает настоящее с ориентиром на приоритет ситуативной политики, то оно деформирует историческую память и создает возможность трансформации проекта в прожект.

Форма осуществления независимых образований постсоветского пространства оказалась проблемной. Суть проблемы заключалась в определении отправной точки отсчета своей исторической памяти. Можно было начать свою историю с 90-х гг. XX в., как с чистого листа, и числить себя в реестре «начинающих», пребывающих в своем становлении. А можно апеллировать к истории той ойкумены, где зародился первый диалог человека и природы (среды его обитания). Второй вариант казался предпочтительнее. Он таил в себе претензии заявить о своем возрасте, опыте и самобытности. Но этот вариант требовал определить отношение к общей истории Советского Союза, истории «Титаника», и либо подтвердить «родственные» отношения с ближайшими соседями, либо разорвать эти отношения, противопоставив подлинной истории «свою историю», замешанную на мифологии прошлого и конъюнктурных соображениях настоящего. Тот, кто делал ставку на этот вариант, как правило, становился на путь мифологизации своей истории и абсолютизации своего интереса, предпочитая всемирной истории региональную. В результате появлялась возможность осуществить «инвентаризацию» ближайшего прошлого и очистить пантеон от героев советского прошлого, поместив туда оппонентов Советского Союза.

Во всех этих драматических сюжетах за кадром остается вопрос: от какого наследия мы отказываемся и к какому наследию привязываемся в результате потери исторической памяти или ее искажения по конъюнктурным соображениям? Сложившаяся ситуация требует определиться с вопросами: когда и почему возник феномен Советского Союза, насколько правомерно отождествлять Советский Союз и Россию? Рассматривая их, следует помнить, что Союз был создан в 1922 г., в то время как Россия задолго до этой даты отметила свое официальное тысячелетие.

А теперь пришло время, дорогой читатель, сделать историко-философский анализ становления России, принимая во внимание, что философия – это не только эпоха, схваченная в мысли человека как чела своего века; это еще и душа культу-

ры, которая зарождается в определенной ойкумене (заселенном пространстве), где складывается первичный диалог человека и среды его обитания. В процессе этого диалога человек изменяет природу, а природа изменяет (воспитывает) человека. В итоге складывается протокультура (культура в ее становлении) с ориентиром на воспроизводство и формирование уникальной и неповторимой культуры определенной общности людей конкретного менталитета. Но в чистом виде диалектика объективных условий и субъективного фактора не осуществляется. Всегда существует возможность адаптации другой культуры, которая становится реальностью либо в условиях эскалации извне, либо в результате взаимодействия, которое предполагает наличие соседей и возможность их влияния.

В нашем случае протокультура России получила к собственной (родовой) языческой культуре добавки извне, со стороны византийской культуры и культуры кочевых народов. Первая «прививка» была осуществлена в результате целенаправленного влияния Византии на становление культуры России. Остается только гадать на кофейной гуще, что было бы, если бы Россия в качестве отправной точки своего развития располагала только языческой культурой. Вторая «прививка» была следствием татаро-монгольского ига, в результате которого степная культура стала достоянием обыденного сознания. Обыденное сознание легко усваивает то, что не требует особых усилий.

В итоге сложилась синкретическая культура своеобразного единства языческой (коренной) и привнесенных византийской и кочевой культур. Эта культура изначально несла в себе возможности последующих драм и трагедий в России, острота и горечь которых усиливалась или ослаблялась конкретным состоянием диалектики объективных условий и субъективного фактора (среды обитания и лиц, заявляющих о себе своей незаурядностью или бездарностью, патриотизмом или продажностью).

Чтобы уяснить достоинства и недостатки этой культуры и определить ее потенциал и перспективы, следует обратить внимание на социально-философский анализ России как одного из фрагментов бытия в мире. Способ его существования, формы проявления и осуществления являются визитной карточкой России в ее становлении и развитии.

Предпосылкой возникновения России была специфическая «ойкумена»: необъятные просторы богатой земли и люди языческой культуры, которые, если верить одной из исторических версий, положили начало обустройству Индии. Вряд ли эта версия подлежит верификации, но если она имела под собой историческое основание, то это свидетельствует о мощном потенциале языческой культуры славян. Что касается верифицируемой истории, то сложившаяся языческая культура адаптировала византийскую и монгольскую (степную) культуры на уровне психики и сознания и заявила о себе как синкретическая культура с присущим ей потенциалом. Последующее обустройство России шло под знаком формирования идеологии, в рамках которой формировалась стратегическая цель развития России и моделировалась тактика ее осуществления.

В становлении официальной идеологии особую роль сыграло христианство. Через церковь и монастыри прививалось уважительное отношение к разумному Слову. Первые просветители – *Кирилл* (826–869) и *Методий* (820–885) – вносят определенный вклад в формирование нравственных ориентиров. Первая польза

от разумного Слова – «разумение невежества своего». Суть второй пользы – осознание необходимости мудрого и достойного поведения. Внесли свой вклад в становление официальной идеологии и митрополиты церкви: *Иларион Киевский, Никифор Грек и Климент Смолятич*.

Иларион Киевский был духовным наставником Ярослава Мудрого. Ему принадлежит трактат «Слово о законе и благодати», где он не только своеобразно толковал тексты Ветхого и Нового Заветов, но и открывал дорогу к самобытности развития отечественной мысли. С его точки зрения, право сопряжено со свободой человека, а закон – с «суею земных страстей». Ветхий Завет ориентирован на утверждение закона, Новый Завет – на осуществление права. В смене одного Завета другим Иларион Киевский видит жизнеутверждающую силу права как нормативного регулятора жизнедеятельности общества, а в смене доминанты в пользу права и свободы – сущность развития истории человечества, ее смысл. Позицию равновесия духовной и светской власти отстаивал наставник Владимира Мономаха Никифор Грек. Соотношение разума и чувств, знания и веры рассматривал Климент Смолятич. Он полагал и обосновывал, что чувства – опора души, а разум – ее руководитель.

Краткий анализ творчества духовных наставников князей Киевской Руси свидетельствует о формировании российской идеологии с установкой на рационализм, но в лоне христианства. Сохраняя преемственность с Киевской Русью, Россия складывалась как самостоятельное государство.

Дальнейшее формирование отечественной культуры шло через противостояние двух тенденций ее развития. Одна тенденция ратовала за самобытность России, а вторая стремилась вписать ее в общий процесс развития Европы. Первоначально эти тенденции проявляются внутри духовенства, которое раскололось на иосифлян (сторонников жесткой централизации государства и доминирующей роли светской власти) и нестяжателей, ратовавших за духовное обновление церкви с ориентиром на чистоту помыслов, очищение от коварства и стяжательства, утверждение приоритета содержания религии над ее формой. Необъятные просторы, этническое многообразие настоятельно требовали укрепления вертикали власти в системе координат общественного развития. Это и привело к тому, что концепция *Нила Сорского* (1433–1508) о чистоте помыслов и укреплении духа уступила конъюнктурным соображениям *Иосифа Волоцкого* (1439–1515). Произведение И. Волоцкого «Просветитель» стало настольной книгой Ивана Грозного, подтвердив тезис о том, что даже «праведную цель нельзя осуществлять неправедными средствами».

У истоков Просвещения стоит и фигура *А. М. Курбского* (1528–1583). Ему принадлежит «История о Великом князе Московском». Это своеобразный жанр обличительной публицистики. А. Курбский заявляет о необходимости открытия Киево-Могилянской академии как одного из центров духовной жизни, направленной на возрождение идей *Нила Сорского*. Истоки академии складывались первоначально в культурно-просветительном центре Острога в 1576 г., где кроме А. Курбского можно было встретить первопечатника Ивана Федорова, Г. Смотрицкого – автора «Грамматики славянской», по которой спустя два века учился Михаил Васильевич Ломоносов. Одним из первых ректоров академии был *Феофан Прокопович* (1681–1736), будущий глава «ученой дружины» Петра I. В акаде-

мии учился *Григорий Сковорода* (1722–1794), автор философии «сродности и сердца». Их последующая деятельность оставила заметный след в формировании культуры России и ее духовного потенциала.

Проникновение в Московию западной учености привело к новому противостоянию латинствующих (сторонников европейского образования) и грекофилов (староверов). Позицию староверов наиболее адекватно выразил *Аввакум Петров* (1621–1682) с его ставкой на истины веры и только веры. Феномен протопопа Аввакума необычайно сложный, но за прозаической противоречивостью просматривается целостная натура, ориентированная на укрепление духа и чистоту помыслов как духовной, так и светской власти. Об этом свидетельствуют и его жизнь, и его смерть. Усилиями латинствующих адептов «западной учености» (*Симеон Полоцкий* и *Стефан Яворский*) в Москве была открыта Славяно-греко-латинская академия.

В отношениях грекофилов и латинствующих не только проявилось прошлое противостояние нестяжателей и иосифлян, но и намечилось будущее противостояние славянофилов и западников.

Новая волна просветительского движения связана с деятельностью так называемой «ученой дружины» Петра. Это *Феофан Прокопович*, *В. Н. Татищев*, *А. Д. Кантемир*. «Духовный регламент» *Феофана Прокоповича* обосновывает идею приоритета государства над церковью. Он реанимирует идеи *Иосифа Волоцкого*, инициировавшего в свое время процесс секуляризации общественного сознания и централизации светской власти. *Василию Никитичу Татищеву* (1686–1750) принадлежит первая классификация наук, в основе которой лежит полезность. Переводческой деятельностью занимался *Антиох Дмитриевич Кантемир* (1708–1744), актуализировав проблему терминологии письменного языка, развода литературный и вербальный языки.

Классический период отечественного Просвещения представляет *Михаил Васильевич Ломоносов* (1711–1765). Емкую и поэтически образную характеристику мыслителя дал *А. С. Пушкин*: «Он (Ломоносов. – *И. К.*) создал первый университет. Он, лучше сказать, сам был первым нашим университетом». Просветительскую эстафету Ломоносова приняли профессора Московского университета *Д. С. Аничков*, *Я. П. Козельский*, *С. Е. Десницкий*. Они рассматривали вопросы совершенствования общества и разумного устройства государства, основания религии, размышляя, почему труд перестает быть нравственной силой и как ее возродить.

Свой след в просветительской деятельности оставил и историк *М. М. Щербатов*, автор произведения «О повреждении нравов в России». Он обвинял Петра I в том, что его реформы погубили самобытность России, ориентировав ее исключительно на европейский путь развития.

По времени отечественное Просвещение занимает период с середины XV до первой трети XIX в., когда за «словом» просветителей последовало «дело» декабристов.

Своей деятельностью просветители подготовили творчество *А. Н. Радищева* (1749–1802), радикализм которого дает Екатерине II повод считать его «бунтовщиком хуже Пугачева», ибо его «Путешествие из Петербурга в Москву» имело характер криминального намерения. Творчество Радищева сыграло свою роль в формировании идеологии декабризма.

Просвещение оказало влияние и на «Философические письма» *П. Я. Чаадаева* (1794–1856). В своих произведениях он реализовал критическую направленность, унаследованную от своего деда – М. М. Щербатова. По его мнению, Россия пребывает в спячке. Проснувшись, она должна идти не вслед за Западом, а выйти на свою дорогу. Чаадаев верит, что у России есть свое будущее, свое предназначение. России еще «предстоит дать ответ на важнейшие вопросы, которые занимают человечество».

Отечественная мысль в своем становлении ориентируется на производство и воспроизводство той культуры, которая требовала мудрого и взвешенного решения дилеммы: свобода или хлеб, при ясном понимании того, что если человек выбирает свободу, то он обретет и хлеб. Если же он выбирает хлеб, то он теряет и хлеб, и свободу.

Самобытность России стала объектом философского анализа К. С. Аксакова, И. В. Киреевского, А. С. Хомякова.

Получив европейское образование, *Иван Васильевич Киреевский* (1806–1856) отвергает западный путь развития, ибо там, по его мнению, господствует католицизм. Для католика нормой является повышенная социальная активность, перерастающая в насилие. Умственный радикализм католика является предпосылкой его политического радикализма. Посему отечественная мысль должна опираться на «верующий разум, а не на умственный силлогизм».

Самобытность народа *Константин Сергеевич Аксаков* (1817–1860) видел в том, что он лишен стремления к власти. По своей природе он негосударственен. Ему ближе община, которая предпочитает путь мира. Она живет заповедями Христа с ориентиром на естественное право и власть авторитета. Что касается государства, то оно живет по своим декретам, опираясь на авторитет власти. По мнению Аксакова, настало время возродить принцип взаимного невмешательства в дела друг друга.

Идею самобытности народа и его соборности развивает *Алексей Степанович Хомяков* (1804–1860). Критически оценивая европейский рационализм, он отдает предпочтение отечественной культуре, где оптимально сочетаются разум и вера, свобода и необходимость. Это единство позволяет вести речь о соборности людей российской культуры. Соборность – это не физическая общность людей, а их духовное единство, ориентированное на паритет человека и мира, на их стремление к диалогу и гармонии. Стержнем соборного сознания является верующий разум, не имеющий ничего общего с рассудком. Основой соборности являются община в деревне и артель в промышленности. Они объединяют хозяйственное и нравственное начала, составляют потенциал будущего.

Усилиями К. С. Аксакова, И. В. Киреевского, А. С. Хомякова складывается концепция славянофилов. Эту концепцию адаптирует *Николай Яковлевич Данилевский* (1822–1885). В своей работе «Россия и Европа» он обосновывает тезис о том, что Запад пережил «апогей своего цивилизационного величия» и на очереди теперь возвышение славянства. Идеи Данилевского чеканит его последователь *Константин Николаевич Леонтьев* (1831–1891). По мнению Леонтьева, задача, которая стоит перед Россией, заключается в том, чтобы сохранить свой потенциал, уберечь себя от губительного «европейничанья» и возродить собственные основания. Славянофильские идеи соборности не обошел своим вниманием и *Федор Ми-*

хайлович Достоевский (1821–1881). Он полагал, что потеря соборности равносильна потере человеческого в человеке, ибо только верующий разум может обуздать эгоизм человеческой природы, обеспечить претензии человека быть челом своего века.

Славянофильство, порожденное Просвещением, заявило о целесообразности и необходимости собственного пути развития, который принципиально отличается от пути западного развития.

Просвещение вызвало к жизни не только оригинальное учение славянофилов о самобытности народа и его соборности, но и инициировало концепцию радикализма с установкой «слово» сделать «делом» обновления страны, оно явилось связующим звеном дворянского просветительства с дворянской революционностью. Будучи движением за справедливость, декабризм открыл целую эпоху политического радикализма, носителями которого выступили *революционный демократизм, народничество* и *«русский марксизм»*.

Революционный демократизм складывается в 40–60-х гг. XIX в. Он оформляется с претензией организовать народные массы на «святое дело» – революцию. Идеологом революционного демократизма можно считать *Виссариона Григорьевича Белинского* (1811–1848). Блестящий публицист и критик, Белинский оказал сильнейшее влияние на общественное движение, несмотря на довольно частую смену собственных ценностных ориентиров.

В. Г. Белинский верит, что придет время, когда восторжествует справедливость и равенство, но это время можно приблизить, и он готов этому содействовать. Его не смущает физическая ликвидация угнетателей ради будущего блага угнетенных. Усилиями публицистики Белинского кардинально меняются представления о революции. Революция – уже не философская категория разума (немецкая классическая философия) и даже не инструмент государственного переворота (декабризм), а организованная война против угнетателей, ориентированная на их уничтожение.

Исследуя творчество В. Г. Белинского, Н. А. Бердяев обозначил феномен идеолога революционного демократизма как проявление «некультурности радикализма», отражающего «некультурность консерватизма». В результате вандализм самодержавия породил вандализм революции и его носителей.

В созвездии представителей революционного демократизма особое место занимает фигура *Александра Ивановича Герцена* (1812–1870). В отличие от Белинского и его адептов Герцен в своей концепции социализма уповал на реформы, полагая, что нет необходимости отмечать социальные преобразования в стране «грудями трупов». Но при этом вовсе не обязательно ориентироваться на западный опыт. Наблюдая процесс осуществления европейских революций 1848 г., А. И. Герцен приходит к выводу, что социальная революция носит перманентный характер. Однажды начавшись, революция не может завершиться. А посему лучше не вызывать ее к жизни. В поисках перспективы развития России и ее обустройства Герцен обращается к русской общине. В ней, по его мнению, заложен потенциал не революции, а эволюции. Как и Чаадаев, Герцен верит в Россию. Ее будущее более предпочтительно, чем перспективы Запада.

Идею крестьянского социализма отстаивал *Николай Гаврилович Чернышевский* (1828–1889). Он полагал, что Россия может прийти к социализму, минуя ка-

питализм. По его мнению, философия должна не только ответить на вопрос, что такое человек, но и определить те условия, которые обеспечивают ему возможность счастья. В поисках такой философии Чернышевский обращается к антропологическому материализму Л. Фейербаха. Немецкий мыслитель полагал, что по природе человек – носитель любви и блага, но социальная среда может сделать его злым. Чтобы восторжествовали добро и справедливость, нужно преобразовать общество. А для этого нужна революция и только революция. Поскольку путь к счастью человека лежит только через революцию, нужно готовить себя к жертвоприношению. Ставка на революцию и самопожертвование вела к тому, что теоретический гуманизм трансформировался в практический терроризм (антигуманизм).

Если декабристы мечтали осчастливить народ, не рассматривая его в качестве силы общественного развития, а революционные демократы обосновывали теорию революции и необходимость персонального терроризма, то *народничество* делало попытку сблизиться с народом, сделав его ударной силой революции. Народ (население) должен следовать за критически мыслящими вождями. *Дмитрий Иванович Писарев* (1840–1869) обосновывает положение о том, что критически мыслящие личности должны помочь массам осознать свои интересы. Если «мыслящие реалисты» не выполняют эту задачу, они никому не нужны. Массы от них отвернутся. Концепцию критически мыслящих личностей с претензией на вождей народа разделяли и *Петр Никитич Ткачев* (1844–1886), и *Петр Лаврович Лавров* (1823–1900). Они отстаивали тезис, что носителями общественного прогресса являются только «критически мыслящие личности». Внесли свою долю в развитие радикализма и теории анархизма. *Михаил Александрович Бакунин* (1824–1876) рассматривал русского человека исключительно как потенциального анархиста. Бакунин вошел в историю как человек-легенда. Участник революций 1848 г. в Европе, дважды был приговорен к смертной казни, сотрудничал с А. И. Герценом, был близко знаком с К. Марксом. По Бакунину, история – это процесс движения человека в «царство свободы» средствами революции. Свободу он рассматривал как отрицание государственности в пользу общественного самоуправления, полагая, что идеал народа основан на убеждении, что:

- земля принадлежит тому, кто ее обрабатывает;
- право на пользование землей принадлежит не отдельному лицу, а общине;
- община не дополняет, а исключает необходимость государства.

Поскольку обыватель пребывает в мире иллюзий и надежд, то его нужно подготовить к бунту. Свою концепцию анархизма предлагает и *Петр Алексеевич Кропоткин* (1842–1921).

Попытки нести в народ заявленные идеи, как и готовить его к бунту, не оправдались. В обстановке массового разочарования народничеством начал складываться «русский марксизм». С ним связывали надежды на национальное возрождение и выбор демократического пути развития. Первым пропагандистом марксизма в России можно считать *Георгия Валентиновича Плеханова* (1856–1918). Разочаровавшись в народничестве, он обращается к философии марксизма, полагая, что марксизм нашел истину и социализм из утопии превратился в теорию. Остается только теорию воплотить в практику. Но, разделяя тезис К. Маркса об опреде-

ляющей роли способа производства, Г. В. Плеханов ставит материальное производство в зависимость от географической среды и венчает структуру общественных отношений идеологией, которая обусловлена не экономикой (К. Маркс), а состоянием психики «критически мыслящей личности».

Особое место в истории «русского марксизма» занимает *Владимир Ильич Ульянов (Ленин)* (1870–1924). Если с именем Плеханова связана пропаганда марксизма, то с именем Ленина – новый этап в его развитии применительно к России и новой исторической реальности – подготовка к переделу мира.

В 1917 г. с разницей в три дня в Петербург вернулись Плеханов и Ленин. Оба активно включились в политику. Оба приняли тезис о том, что Россия не готова к социализму, но будущее человечества, в том числе и России, за социализмом. Их разногласия вылились во взглядах на тактику. По Плеханову, процесс дальнейшего развития России должен идти по схеме: капитализм – предпосылки социализма – социалистическая революция – социализм. По Ленину: капитализм – социалистическая революция – предпосылки социализма – социализм. Объективности общественного развития В. И. Ленин предпочел субъективный фактор. В октябре 1917 г. массы выбрали тактику Ленина. Последующее время показало, что позиция Г. В. Плеханова имела достаточно весомые основания. Подтвердился и его прогноз о возможностях появления «социалистической элиты», которая, оторвавшись от народа, будет преследовать свои цели, прикрываясь интересами народа.

Жизнь продолжается. Поиск истины не завершен. Но ясно одно: капитализму уготована та же участь, что и феодализму, – быть историей. Будущее за той моделью общества, которая станет «по ту сторону материального производства», стряхнув с себя прах фетишизации товара, денег и капитала, постоянно возрождающей отчуждение человека от всего, от всех и от самого себя.

Революция 1917 г. и последующее формирование Советского Союза 30 декабря 1922 г. – это своеобразное возникновение «социально-онкологической опухоли», предпосылки которой уходят в далекое прошлое становления синкретической культуры: языческой (родовой), византийской (адаптированной), кочевой (привнесенной), а также формирования идеологии обустройства России, которая складывалась в противостояниях нестяжателей и иосифлян, грекофилов и латинствующих, славянофилов и западников; революционных демократов, народничества и «русского марксизма».

Можно критиковать или апологетировать, спорить и дискутировать о достижениях и провалах Советского Союза. Но грош цена тому прогрессу, который насилует душу человека, превращая его в средство сомнительной цели в обстановке нищеты и страха, где актуальным оставался вопрос: «А судьи кто?» Население страны делилось колючей проволокой на тех, кто сидел, и тех, кто мог там оказаться в условиях торжества «неправа», рождавшего правовой максимализм и правовой нигилизм. Реальное несчастье России 1917 г. возникло в силу специфической диалектики объективных условий и субъективного фактора общественного развития. К этой диалектике не имел прямого отношения хлебопашец центральных черноземных областей России. Он скорее пострадал, чем что-либо приобрел от Советского Союза. В первые месяцы переворота и в последующее время вертикаль власти (Совнарком, Военный комиссариат, Наркомат внутренних дел, нарко-

маты финансов и юстиции, центральная печать [газеты и журналы]) в основном была заполнена представителями национальных меньшинств¹. Это были предки тех, кто после развала Советского Союза в 1991 г. возглавил бывшие союзные республики и обеспечил свой суверенитет через дистанцирование от России, используя миф о тождестве России и Советского Союза.

Миф о тождестве России и Советского Союза стал идеологией противостояния России. Он стал проходным баллом в международные центры в условиях глобализации мира, обострения глобальных проблем и ставки на концепцию «золотого миллиарда».

Объективные условия вызывают к жизни субъективный фактор, содержание которого определяется востребованными личностями. Но личности могут быть незаурядными и бездарными, больными и здоровыми, а также заказными. От них зависит судьба объективных условий развития страны, а в конечном итоге и судьба ее населения.

После насильственной смерти брата Александра Владимир Ульянов (Ленин) заявил: «Мы пойдем другим путем». Он адаптировал теорию европейского марксизма, превратив его в идеологию «русского марксизма», где человек – общественная функция, исполнитель сомнительного проекта, но не самоценность. После смерти Ленина троцкизм, ранее технически осуществивший революцию, породил сталинизм с его репрессиями и диктатом авторитаризма. Перефразировав слова Н. А. Бердяева в адрес Виссариона Белинского, можно сказать, что вандализм троцкизма породил вандализм сталинизма и его адептов.

Проверкой на прочность России была Великая Отечественная война 1941–1945 гг. В условиях эскалации извне население превратилось в народ. Кроме того, следует обратить внимание, что в тяжелые годы войны ставка делалась не только на идеологию коммунизма, но и на культурное наследие прошлого, на историческую память, которая приумножалась организаторскими способностями Александра Невского, Сергея Радонежского, Дмитрия Донского и других героев России. Этому способствовало и возрождение религии, которая заявила о себе в качестве духовных скреп Народа, Отечества.

Все это и заставляет подумать, поразмышлять, от какого наследия должна отказаться Россия, какую культуру она должна возродить, чтобы обрести устойчивую перспективу и осуществить в этом мире свое предназначение в статусе правопреемницы Советского Союза или той синкретической культуры, которая была утрачена после Октябрьского переворота 1917 г., а может, той протокультуры, истоки которой уходят в «ойкумену» России. Это не означает, что наша страна должна подстраиваться под ситуативную политику современного развития мира и международных отношений. Она должна обрести собственные основания, определяющие стратегию и тактику сегодняшнего и завтрашнего дня.

Нынешняя ситуация рождает нестандартные проблемы, которые требуют нестандартных решений формирования новой шкалы ценностных ориентиров. Эти ориентиры должны похоронить миф о тождестве России и Советского Союза, иницирующего образ врага, и открыть новые страницы всемирной истории добрососедских отношений с Европой и Азией. Только в этом случае Россия займет достойное место в мире глобализации и решения глобальных проблем.

¹ Солженицын, А. И. 200 лет вместе. М.: Вагриус.